

Сибирская Жизнь

Контора редакціи „Сибирской Жизни“ при магазинѣ И. И. Макушина старшаго для справокъ и объявленій по дѣламъ газеты ежедневно (кроме воскресенья и праздничныхъ дней) съ 9 до 12 часовъ утра и съ 6 до 8 веч. Телефонъ 14-й.

Присланные въ редакцію статьи и сообщенія должны быть подписаны фамиліей иже автора съ обозначеніемъ его адреса. Рукописи, въ случаѣ надобности, возвращаются извѣщеніемъ и сокращеніемъ. Редакторъ редакціи не отвѣчаетъ за извѣстную редакціей редакціи за авторами. Рукописи, доставляемыя безъ обозначенія условий вознагражденія, считаются безвозмездными.

Статьи, признанныя редакціей ценными хранятся въ редакціи три мѣсяца и затѣмъ могутъ быть подвергнуты уничтоженію, если-же въ этотъ уничтоженію не послѣдуетъ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО, ИСКЛЮЧАЯ ДНЕЙ ПОСЛѢ ПРАЗДНИКОВЪ.

Отдѣльный № 3 н.

Сибирь по дневнику г. Гарина.

Странное, можно сказать, нездоровое впечатление произвел на нас дневник путешествия по Сибири г. Гарина, напечатанный в февральской книге журнала «Мирь Божий». Г. Гарин из окна вагона повествует нам на разных злободневных темах Сибири.

Широк полет его фантазии, и довольно неожиданный, иногда до абсурда доходящий его обобщения. Субъективизм, плохо скрываемое личное раздражение—красной нитью сквозит в дневнике, как в завод, они сдувают вас, прячут и накуривают да в Сургутский у приятеля путевка; благодаря его любезности, «мы не только не скучали, но провели наше время незанятно».

Кажется, всего два раза во время пути г. Гарин был хорошо настроен—это на Урал, где, по его словам, горные инженеры «радушней гостеприимней народ», и, когда вы попадете к ним на завод, они сдувают вас, прячут и накуривают да в Сургутский у приятеля путевка; благодаря его любезности, «мы не только не скучали, но провели наше время незанятно».

Тут же, в Сургутском, г. Гарин увидел сибирскую женщину и описал ее. Поны раньше узнали от Ант. П. Чехова, что сибирячка не колоритна и «жестка на ощупь».

Читатель, даже г. Чехов был пристрастен в своих изысканиях.

Жаль, что в Томск, Иркутск и Перевальск у г. Гарина не оказалось приятелей—описание городов вышло бы не так сурово—это по первым, а во вторых по причинам, которые мы увидим ниже.

Послашаем, что г. Гарин говорит о Томске и его жителях.

«Обитатели, погруженные в расчеты, прозябшие, не культурный, ни чужь посторонний, кроме вина, бди, и курт, не интересующийся. Силет, как в самом захолустном городе».

Видим-ли в этой характеристике типичные черты Томска?

Укажем нам разницу с какими-нибудь: курияном, перьяком, самарцем...

Читатель, дайте слово за себя: неужели вы не видите, как в самом захолустном городе? Видим-ли в этой характеристике типичные черты Томска?

Укажем нам разницу с какими-нибудь: курияном, перьяком, самарцем...

тичною просвительскою деятельностью с его народными школами, библиотеками, народными чтениями, а три газеты издающиеся в Томске?..

Неужели все эти факторы прогресса и культуры не обратили на себя благосклонного внимания г. Гарина?

Сами то вы, г. Гарин, посетитель какой культуры являетесь себе?

Ничь будет справедливый:—и у томича есть высшие интересы, как есть они и у курияна, перьяка, самарца...

Впрочем г. Гарин оговаривается: «может быть, этому скверному впечатлению содействовало и то, что все время я был под тяжелым впечатлением нападок местной прессы на меня за обход Томска».

Ай, как некрасиво, г. Гарин! При выпуске в свет своих набросков, будь они написаны карандашом или пером, личное раздражение нужно было припрятать, и, поверьте нам, вы были бы в выигрыше.

Послѣдству за г. Гариним в Иркутск: «из интеллигентного кружка города видѣл только П. (остальные вслѣдствие лѣта въ разлѣдѣ)».

Какое же представление подучит молодой читатель об Иркутске с его 50-тысячным населением, узнав, что летом в город остались одни интеллигенты, остальные же разъѣхались?..

А как нам правится, что озеро Байкал напоминает «любую холмистую лужу-рѣку».

Невольно закрадывается сомнѣние: не обладатель ли г. Гарин сенсационных слухов?..

Взять-ли нам, читатель, дальше за г. Гариним или же подождать его возвращения из Порта-Артура?

Не снисходительче ли будут его приговоры, так, довольно безцеремонно, бросаемо читающей публике?

Весьма вероятно; говорить же г. Гарин, что Омск ему понравился потому, что он тогда «возвращался в Россию» и потому, прибавив от себя, не обращая внимания на клонов, чараканов и «непридающую грязь в роскошных вагонах 1-го класса».

Г. Гарин дѣлает с нами не только непосредственными впечатлениями, воспринятыми им по пути слѣдования: нѣтъ, он бросает взоры и вѣрше, говорить и об Алтай.

От него мы узнаем, что земли Алтай сказочно плодородны и «урожай в 250 пуд. с десятины (2400 кв. с.) только хороший».

Пред нами книга «Сельскохозяйственный обзор Алтайского округа за 1896 г.», составленная С. Шведовым и К. Юхневичем. Из нее мы узнаем, что урожай пшеницы в 1896 г. в среднем 58,5 пуд. Предѣлы колебания 7—180 пуд. (Таблица III, стр. 18).

Мы видим, что высшая норма урожая—180 пуд.; допустить, что иногда бывает 200 пуд., по такой сборе дает только хлеб застоявшийся и сгнивающий при созревании благоприятных условий.

Опять обратимся к г. Гарину. Он говорит: «Там южнее (где же это южнее: в южной части Алтая или же в Батай, Семипалатинск?) еще выше сорта могут произрастать, но, за отсутствием желѣзной дороги, продажная цѣна такой пшеницы—8 коп. за пуд.»

Не первый уже год Алтай вовлечен в мировую хлебную конкуренцию и цѣны на пшеницу опредѣляются не здѣсь на мѣстѣ, а гдѣ-то там, далеко за предѣлами Алтая, на международных хлебных биржах.

Один Барнауль выбрасывает на международный рынок миллионы пудов Алтайской пшеницы. Жаль, что под руками нѣтъ точных данных.

«Не только пшеница, ленъ, подсолнух, здѣсь произрастает рисъ»...

Опять так: гдѣ это здѣсь? На Алтай ли или же там южнее, в том киргизском «быловѣ», который так тщетно ищут русскіе населенники Сибири?

Полторы строки и обь арендѣ на Алтай. Что крестьяне могут арендовать до 50 дес. казенных земель, тоже вымысел. Нам хорошо известно, что есть крестьяне—арендаторы, снимающие у кабинета 300 и болѣе десят. земли. *)

Утверждать, что «бѣдныя каторжники являются главными подпорками ихъ зажиточности» довольно рискованно.

Извѣстно, что путь бродягъ лежитъ въ сѣверной части алтайскаго округа: въ Томскомъ и сѣверной части Барнаульскаго уѣздовъ.

*) Шведовъ. Материалы ко изслѣдованію аренднаго хозяйства въ Алтайскомъ округѣ. 1896 г. стр. 94, 95 и 96.

Бійскій же и Зѣтингорскій уѣзды не знаютъ бродяжническаго элемента. Да и тамъ, гдѣ идутъ бродяги—они едва ли играютъ замѣтную роль въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Зѣтингорскій и частію Бійскій уѣзды во время уборки лѣбковъ наводняютъ киргизы, про которыхъ можно сказать то, что г. Гаринъ говорилъ о бродягахъ.

Не будемъ спорить съ г. Гаринимъ, что пересѣченіе желѣзной дорогой р. Оби у с. Кривошеина—удачно выбрано.

Но что разливъ Оби у Колывани 12 верстъ—положительно невѣрно.

Рѣка въ этомъ мѣстѣ разливается на семь верстъ (выше г. Колывани) и на пять верстъ—(ниже Колывани).

Это намъ извѣстно по топографическимъ даннымъ (съемка 1896—97—98 гг. Можайской партіей Алтайскаго округа).

Г. Гаринъ старается оправдать себя, что при изысканіяхъ пути онъ «провелъ магистраль не черезъ Томскъ, ограничившись вѣткой къ нему».

Намъ кажется, что бы значили тѣ лишніе по уѣзденію г. Гарина, 120—150 верстъ для всего Великаго Сибирскаго пути, если бы Томскъ былъ захваченъ.

И не естественно ли было томской прессѣ отстаивать интересы Томска?

Умудрился же Московско-Казанское общество—объясняетъ намъ г. Гаринъ, «накрутивъ между Москвой и Казанью лишніе 200 верстъ».

Накрутили, вѣроятно, для того, чтобы захватить Рязань.

Это намъ показываетъ, что Рязань отстояла свои интересы, а Томскъ остался побѣжденнымъ въ борьбѣ съ жел. дор. миромъ.

Не нѣтъ намерѣнія умалить значенія дневника г. Гарина, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ дать себѣ яснаго отчета—во имя чего онъ искажаетъ цифры и факты, да еще въ такомъ симпатичномъ по своимъ задачамъ журналѣ, какъ Мирь Божій, журналъ много читающагося и къ которому читатель вправѣ предъявлять серьезныя требованія.

Мы не возражали бы—будь «Карандашъ съ натуры» напечатано гдѣ-нибудь, ну хоть бы, въ журналѣ «Вокругъ Свѣта».

Не безызвѣстному писателю врядъ ли выгодно искажать факты или комбинировать ихъ такъ, чтобы читатель получилъ представленіе о вѣщахъ!

желательное автору.

Съ цифрами не играютъ даже съ «карандашомъ» въ рукахъ.

Невольно вспоминается побѣда Г. И. Успенскаго «Отъ Казани до Томска и обратно». Въ его талантливыхъ очеркахъ сказывается фигура безпристрастнаго наблюдателя, чувствующаго подъ собою твердую почву. Каждый фактъ каждая цифра подкрѣпляется ссылками на источники.

Упомянуть о Г. И. Успенскомъ, мы не дѣлаемъ упрека г. Гарину, что онъ бѣжалъ быстрее Успенскаго.

Нашъ авторъ рисовалъ съ натуры, такъ сказать, «попутро», а не изслѣдовалъ специально, но, все же, значеніе факта для явленія, смотримъ ли мы на нихъ изъ окна вагона или изъ новона сибирской тройки,—должно быть одно въ томъ и другомъ случаѣ.

Послѣ Ядринцева, Максимова, Астирева, Успенскаго и др., которые такъ хорошо и правдиво изображали Сибирь со всѣми ея особенностями—нужно говорить тоже, если и не хорошо, то правдиво.

Поменѣе напоминать о себѣ и побольше объективности.

Для чего, впрочемъ, намъ знать, что г. Гаринъ какому то кавказцу Бекиру подарилъ карабину Маузера и что это «...обычная, впрочемъ, судьба такихъ новѣхъ покупокъ. Потому что я все раздари»?

Да не подумаютъ, что мы принадлежимъ къ разряду тѣхъ людей, которые утверждаютъ, что на фонѣ нашей русской и въ частности сибирской общественной жизни во всѣхъ ея формахъ—все обстоитъ благополучно и что, если это познается, то мы «вѣщи» шапками закадаемъ, но мы горячо желаемъ нашей родной Сибири возродиться къ лучшей жизни. И уже наступаетъ время и мы видимъ, какъ укладъ сибирской жизни выливается въ другія высшія формы. Эпопея земскихъ засѣдокъ и приказныхъ стараго суда перешла уже на страницы исторіи. Торговля и промышленность выходятъ изъ рамокъ застоя. Пробуждается отъ вѣковаго сна молодежь и богатая Сибирь!..

Барнаулецъ.